

РУПАСОВ Александр Иванович / RUPASOV Alexander

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук / St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
rupasov_ai@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ДЕЛИМИТАЦИИ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ГРАНИЦЫ И ДИСКУРС БЕЗОПАСНОСТИ (1918—1922)

THE PROBLEMS OF DELIMITATION OF THE SOVIET-FINNISH BORDER AND SECURITY DISCOURSE (1918—1922)

Abstract: The article traces the relationship between, on the one hand, the ideas of World Revolution and the right of nations to self-determination declared by the Bolsheviks and, on the hand, the solution of specific problems related to the demarcation of the state border between Finland and Soviet Russia in 1918—1922. There were significant differences in the perception of various aspects of security issues by the political leadership of Soviet Russia and the representatives of the military high command.

Ключевые слова / Keywords: Большевики, Финляндия, Россия, демаркация, граница, мировая революция, право наций на самоопределение / The Bolsheviks, World Revolution, Finland, Soviet Russia, border, demarcation, 1918—1922.

Нельзя не согласиться с мнением известного специалиста по истории Коминтерна Я. С. Драбкина, что понятие «мировая революция» «нередко трактуется не только как иллюзия или утопия, но и как сознательный обман, как символ стремления коммунистов к мировому господству посредством войны и агрессии». Он обоснованно подчёркивал, что необходимо определить методологические принципы использования понятия «мировая революция» и различать три фактора: 1) саму идею мировой революции, 2) расхожий лозунг первых революционных лет, доныне сохраняющийся в обыденном сознании, и 3) попытки реализации идеи¹. О возможности реализации идеи глава Совнаркома заявил по прошествии всего недели после октябрьского переворота. 1 ноября 1917 г. на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) от Ленина услышали: «...мы не одни. Перед нами целая Европа. Мы должны начать. Теперь только соц[иалистическая] револ[юция]»². Для Григория Зиновьева заключение мира с Германией («тяжёлая хирургическая операция») было равнозначно усилению шовинизма в этой стране и ослаблению («на некоторое время») революционного движения в Европе³. Три года спустя, исходя из собственных представлений о последствиях капповского путча в Берлине, Ленин в телеграмме Сталину указывал на вероятность гражданской войны в Германии, которая «может заставить нас двинуться на

¹ Драбкин Я. С. *Идея мировой революции и её трансформация // История Коммунистического Интернационала. 1919—1943 : документальные очерки.* М., 2002. С. 25.

² Ленин В. И. *Неизвестные документы. 1891—1922.* М., 1999. С. 217.

³ *Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918.* М., 1958. С. 171—172.

Запад на помощь коммунистам»⁴. Параллельно с размышлениями о мировой революции и гражданской войне как некой гарантии успешного завершения предпринятого эксперимента (не только в России) в риторике большевиков присутствовал и тезис о праве наций на самоопределение. Совокупность указанных идей не могла не повлиять на формирование подходов к проблеме государственных границ, а частичное снятие заключённых в ней противоречий, чётко выявлявшихся в практике под влиянием быстро менявшейся ситуации, достигалось за счёт действий, носивших тактический и далеко не всегда публичный характер. Это особенно проявилось в решении проблем делимитации границ, например, с Финляндией и Эстонией. Что касается Финляндии, то изначально наиболее дискуссионными стали вопросы территориальных вод в Финском заливе, граница на Карельском перешейке и в Петсамо (Печенге). По сравнению с этими вопросами решение вопроса о Ребольской и Поросозерской волостях носило маргинальный характер.

Заключённым 1 марта 1918 г. между РСФСР и Финляндской социалистической народной республикой (в лице Совета народных уполномоченных — СНУ) договором Финляндии передавалась (*«если на то будет изъявлено согласие свободно опрошенным местным населением»*) территория в Петсамо: линия границы должна была идти от Корватунтури по прямой линии к источникам р. Печенги, оттуда по восточному водоразделу этой реки через Мотовский залив и Рыбачий Нос к Ледовитому океану у Зубова⁵. В отличие от района Печенги изменение границы на Карельском перешейке договором не предусматривалось. Однако 30 марта 1918 г. из Оперативного отдела Военного совета Петроградского района обороны⁶ в адрес наркомата по иностранным делам поступила записка за подписью военного руководителя района А. В. Шварца, комиссара А. И. Ковригина и начальника штаба, профессора Генерального штаба Б. В. Геруа. Отталкиваясь от условий подписанных Россией договоров с Центральными державами и финляндским Советом народных уполномоченных, они констатировали, что российская граница к северу от Петрограда будет проходить всего в двух-трёх переходах «от очага русской и всемирной революции», а такая «близость государственной границы представляет прямую угрозу Петрограду и всему его району». Они признавали, что «хотя ввиду заключённого мира не приходится говорить о каком-либо противнике, по крайней мере в ближайшее время, но принимая во внимание слабость России в настоящий момент, которая открывает всем соседям нашего

---

⁴ Ленин В. И. Неизвестные документы. С. 331.

⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 509.

⁶ Был образован постановлением Комитета революционной обороны Петрограда от 3 марта и директивой Высшего военного совета Республики от 5 марта 1918 г.

государства весьма заманчивые перспективы обогащения за наш счёт и ту угрозу, какую представляют собой для них, как зараза, социальные реформы, проводимые в настоящее время у нас, и, как результат этих реформ наше будущее усиление — станет ясно, что борьба возобновится с новой силой. Так как нашим врагам не выгодно давать нам такой “передышки”, которую мы могли бы использовать к своей выгоде, то следует думать, что возобновление борьбы не заставит себя долго ждать». В силу этого, считали авторы письма, «задача военных и политических органов сводится к созданию наивыгоднейшей обстановки к моменту возобновления борьбы. В целом вопрос сводится к удалению района вероятных столкновений от Петрограда»⁷.

Ссылаясь на некие весьма широкие политические возможности в этой области, но не рискуя формулировать их, авторы документа сочли уместным затронуть только те, «которые непосредственно и тесно связаны с вопросом защиты Петрограда и его района с севера». Решение проблемы облегчалось, по их мнению, тем, что новое финляндское правительство (СНУ), несомненно, являлось сторонником России, что и обуславливало необходимость оказания ему всяческой поддержки. Эта поддержка должна была сводиться к следующему: 1) принятие мер для «усиления средств борьбы советской власти в Финляндии» и 2) ослабление противника — «белой гвардии» и способствование обострению шведско-немецких интересов. Что касается первой группы мер, то в неё включались: а) агитация в пользу усиления борьбы; б) снабжение деньгами и оружием; в) снабжение Финляндии продовольствием с целью приобретения таким образом симпатий к России, г) создание закона, облегчающего переход в финляндское гражданство тех лиц, которые необходимы для фактического усиления отрядов Красной гвардии. Вторая группа необходимых мероприятий сводилась к следующим: а) агитация в тылу белой гвардии (в северной Финляндии) и, как результат, создание для неё осложнений; б) поддержание шовинистических течений как в Германии, так и в Швеции по вопросам Финляндии и, в частности, Аландских островов; в) обострение продовольственного кризиса в Северной Финляндии.

Не забывая о необходимости использования революционной риторики, авторы записки обращали внимание руководства НКВД на следующее: «Революция сама по себе является носителем активных идей[,] и всякое революционное правительство будет вести активную политику. В этом отношении революционная политика аналогична со стратегией, которая, допуская иногда активную оборону[,] совершенно отвергает оборону в чистом виде. Если теперь обратиться к вопросу о защите

---

⁷ Записка Оперативного отдела Военного совета Петроградского района обороны в НКВД, 30 марта 1918 г.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0135. Оп. 1. П. 101. Д. 6. Л. 1.

Петрограда с севера, необходимо признать, что граница, принятая по соглашению с Финляндией, исключает возможность активной обороны Петрограда не только с севера, но как со стороны моря, так и со стороны Нарвы». Развивая данный тезис, авторы документа подчёркивали: «С точки зрения стратегии и военного искусства было бы ошибочно не использовать те топографические условия, какие даёт территория Выборгской губернии, которая представляет собой ряд естественных стратегических рубежей. Это обстоятельство вызывает необходимость политически подготовить обладание территорией Выборгской губернии к моменту возобновления борьбы. Военный совет полагает, что на пути к осуществлению этой задачи встретятся серьёзные препятствия, и потому считает необходимым наметить ту линию к северу от Петрограда, как предел уступок, по которой должна пройти граница с Финляндией в том случае, если не удастся отстоять дипломатическим путём всю территорию Выборгской губернии. Линия эта указана на прилагаемой карте красной чертой. Установление указанной границы дало бы возможность прочно организовать оборону Петрограда на линии Кексгольм — Выборг, пользуясь особыми условиями местности, даже при наличии тех слабых сил, какими Республика может располагать в ближайшее время»⁸.

На записке сохранилась резолюция члена Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевича от 4 апреля 1918 г.: «Ходатайствую перед Советом Народных Комиссаров о принятии мер к тому, чтобы оборона подступов к Петрограду с севера была вынесена на фронт Выборг — Кексгольм. Оборона должна быть поручена финской красной армии, поддерживаемой с нашей стороны». Однако уже в разговоре 9 апреля по прямому проводу с главой Мурманского совета А. М. Юрьевым Сталин констатировал: «Но теперь положение таково (я имею в виду несомненную победу Сената), что социалистического правительства в Финляндии не будет». Более того, Сталин прямо сказал, что подписанный с СФУ договор от 1 марта можно признать упразднённым, а следовательно, эвентуальная уступка территории в Печенге утрачивала какой-либо смысл⁹.

Приближавшееся поражение красных гвардий в Финляндии побудило советскую сторону к поиску контактов с победителями, но при этом подчёркивалась настоятельная желательность учёта сугубо военно-стратегических аспектов решения территориальных вопросов. Тезис «об *изъявлении согласия свободно опрошенным местным населением*» более не упоминался, в дальнейшем стремились избегать даже намёков на любого рода плебисцит. 21 апреля 1918 г. Л. Д. Троцкий телеграфировал начальнику Морских сил

---

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Ленин В. И. Неизвестные документы. С. 234.

об установлении неофициальных контактов старшего морского начальника в Гельсингфорсе с белым правительством Финляндии. Помимо прочего, в результате этих контактов следовало выяснить: рассматривает ли правительство Финляндии острова Родшер, Гогланд, Тютерсы, Лавенсаари, Сескар, Соммерс и Нерва как входящие в состав Финляндии или нет¹⁰. Явно слабо информированный о складывавшейся в Финляндии ситуации «временный замнаркома НКВД» Г. В. Чичерин, в свою очередь, писал 4 мая 1918 г. начальнику Морского генерального штаба: «Согласно отношению за № 166/М от 28 апреля с. г. нами получено принципиальное согласие красного Финляндского правительства определить дополнительным протоколом наши права на указанные Вами острова Финского залива в объёме и форме, которые будут нами предложены. <...> Ввиду изложенного НКВД просит сообщить формулировку дополнительного договорного пункта, необходимого с точки зрения интересов нашей морской обороны»¹¹.

Обострение в июле — августе 1918 г. отношений Германии и России, несмотря на подготовку к переговорам в Берлине по заключению Добавочного договора и договора с Финляндией, определённое истаивание надежд на подъём революционного движения в Европе и развёртывание в России гражданской войны обусловили содержание письма Л. Д. Троцкого в НКВД, направленного 22 июля: «Ввиду предстоящих в ближайшее время мирных переговоров в Берлине с Финляндским правительством, на которых один из важнейших вопросов является вопрос о наших будущих морских границах, НК по М[орским] делам вошёл по сему вопросу с докладом в Высший Военный Совет... [который заключил]: “Положить в основу переговоров тот территориальный “status”, какой имелся в отношении Финляндии ранее, и потому: а) отказаться от включения в состав Российской Республики территории бывшего форта Ино и района Райвола, при условии сохранения за Российской Республикой всей территории Мурмана и Мурманского побережья и с возложением на Финляндию обязательства не иметь и не строить никаких сооружений и устройств военного характера в районе, прилегающем к Невской губе; б) установить морскую границу на Финском заливе возможно западнее Кронштадта... в) потребовать от Финляндии возвращения захваченного военного имущества... г) до начала мирных переговоров установить в заливе демаркационную линию западнее Кронштадта”»¹².

Советско-финляндские переговоры в Берлине в 1918 г. остались безрезультатными. Дискутировавшиеся на них вопросы стали актуальными два года

¹⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. П. 249. Д. 53373. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 15.

¹² Там же. Л. 18—18об.

спустя при подготовке переговоров по заключению мирного договора¹³. Глава советской делегации А. Я. Берзин писал Г. В. Чичерину 9 июня 1920 г.: «На последнем заседании территориальной комиссии мы... подняли вопрос о Финском заливе, который до сих пор обе стороны обходили молчанием. Финны не касались его по той причине, что считали... его решённым... (мы его обходили потому, что считали его наиболее деликатным)... наше предложение сводится к тому, что мы требуем свободы движения для судов всех назначений в Финском заливе, чтобы Финский залив был объявлен открытым морем, кроме того, мы должны выдвинуть требование срыть крепости Ино и Пумало, мы требуем в виде территориальных вод всё пространство к югу от линии Сторсуден, южная оконечность островов Сескар, Лавенсари. Спорный вопрос — о нейтрализации островов в заливе»¹⁴. Единства взглядов по вопросу об уступке Печенги у советской стороны, судя по всему, не имелось. Чичерин высказывался против такой уступки, ссылаясь на мнение командующего морскими силами Республики, «мечтающего о морской базе там». Берзин же полагал, что следует учитывать возможность возникновения серьёзных трудностей при создании в Печенге морской базы, «тогда как Балтфлот заперт, нам нужно добиться открытия Финского залива»¹⁵. Представитель морского ведомства в советской делегации на переговорах Е. А. Беренс, ссылаясь на военного эксперта В. Н. Егорьева, утверждал, что Полевой штаб не особенно заинтересован в Печенге и придаёт первенствующее значение вопросу о Карелии, но сам Беренс считал недопустимым предоставление Финляндии выхода к Ледовитому океану¹⁶. Однако глава НКВД настаивал: Печенга является лучшей частью всего севера, если даже отдать небольшой участок побережья, — англичане создадут там морскую базу, все наши усилия упрочиться на Рыбачьем и вообще на севере будут сведены к нулю¹⁷. В отличие от Чичерина, склонного учитывать позиции финской стороны в вопросе о территориальных водах вокруг островов в Финском заливе, командующий морскими силами Республики отрицал за Финляндией право «иметь даже минимальные территориальные воды вокруг островов, а также чтобы нашей была часть залива до Бьорке»¹⁸. Уступки «гиперборейским троглодитам»

---

¹³ Впрочем, в это время понятие «граница» фактически было вытеснено понятием «демаркационная линия». Получавшие разрешение на выезд в Финляндию или въезд в Советскую Россию пересекали именно демаркационную линию.

¹⁴ Письмо Я. А. Берзина Г. В. Чичерину, 9 июня 1920 г.: АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 3. П. 1. Д. 103. Л. 3.

¹⁵ Письмо Я. А. Берзина Г. В. Чичерину, копии В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, Н. Н. Крестинскому, 3 июля 1920 г.: Там же. Л. 20, 22.

¹⁶ Письмо Е. А. Беренса Э. М. Склянскому, 27 июня 1920 г.: Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 629. Л. 51.

¹⁷ Письмо Г. В. Чичерина Я. А. Берзину, 8 июля 1920 г.: АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 3. П. 1. Д. 103. Л. 7.

¹⁸ А. Я. Берзин — Г. В. Чичерину, копии В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, Н. Н. Крестинскому, Г. Е. Зиновьеву, конец июля 1920 г.: Там же. Л. 32.

(выражение Ю. Мархлевского), на которые пошла советская сторона в Тарту, и в дальнейшем вызывали противоречивые оценки как у советских дипломатов, так и в возглавлявшемся Троцким наркомате по военным делам.

Достижение компромисса было сторонами найдено согласием финской делегации на сужение территориальных вод в Финском заливе к востоку от Стирсудена с трёх до полутора миль, а у южных мысов ряда островов до одной мили, что было зафиксировано в соглашении о перемирии, подписанном 13 августа. Демаркационная линия на Ладоге и от норвежской границы до параллели Линдозера проходила по линии границы 1917 г.¹⁹ Однако статьёй десятой оговаривалось, что «демаркационная линия не должна рассматриваться как будущая государственная граница между Россией и Финляндией»²⁰. Иными словами, вопрос о Печенге оставался открытым. Дальнейшее обсуждение территориальных вопросов, проходившее на фоне провала наступления РККА в Польше, повлекло уступку Печенги Финляндии. Завершение дискуссии по территориальным вопросам привело к началу работы созданной соглашением о перемирии Центральной русско-финляндской комиссии «для разъяснения и разрешения вопросов, возникающих на местах». Кроме того, «для участков: а) Финского залива, б) Карельского перешейка, в) Ладожского озера, г) участка фронта к северу от него и до параллели Линдозера, д) участка фронта от параллели Линдозера до Норвежской границы» создавались местные комиссии²¹.

За подписанием 5 октября 1920 г. мирного договора наступил период работ по демаркации границы, которые должны были завершиться осенью 1921 г. Особые сложности при проведении этих работ изначально возникли при разграничении в Петсамо и в Финском заливе. На основании пункта второго статьи 29 мирного договора финская сторона должна была получить копии новейших топографических и морских промерных карт и материалы незаконченных триангуляционных работ, проводившихся в Финляндии, но, судя по всему, получила далеко не всё. Крайне негативно к передаче копий карт Финского залива, на которых был зафиксирован русский «стратегический фарватер», ещё зимой 1921 г. отнеслось военно-морское командование²².

В конце июня 1921 г. в соответствии с достигнутой с советской стороной договорённостью о времени начала работ в Петсамо финские уполномоченные во главе с бывшим сотрудником Пулковской обсерватории И. Бунсдорфом прибыли на

---

¹⁹ Ребольская и Поросозерская волости оставались на территории Финляндии.

²⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 126.

²¹ Там же. С. 127—129.

²² Переговоры по прямому проводу между штабом Морских сил и Управлением Гидрографии, 10 февраля 1921 г.: РГА ВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 247. Л. 7, 9, 9об.

полуостров Рыбачий — в Вайда-губу, но, так и не дождавшись советских представителей, в одностороннем порядке начали работы по демаркации сухопутной границы на полуострове Рыбачий. Г. В. Чичерин писал по этому поводу заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому: «Получилось весьма странное явление — проведение односторонне одной финской частью Пограничной комиссии границы Печенги... проведённая финнами граница не соответствует мирному договору. Весь восточный берег с важными для нас постройками отошёл к финнам. Нам же оставлены два барака»²³. Спустя месяц глава Наркоминдела, обращаясь к начальнику Штаба РККА П. П. Лебедеву, настойчиво указывал на необходимость направления в Петсамо чекистов и небольшого военного отряда, чтобы в дальнейшем не возникало схожих ситуаций²⁴. Недовольство наркома было бы не столь сильным, если бы в то время ему стало известно, что причиной утраты некоторых «ценных местностей» послужили неточные российские карты, приложенные к тексту мирного договора. Финская делегация в своей работе по демаркации, начатой без участия советской делегации, решила руководствоваться именно картами, а не формулировкой статьи договора. Чичерин готов был видеть во «внезапной агрессивности Финляндии в Вайда-губе» часть общего агрессивного плана империалистических государств. Настойчивость финской стороны побудила советскую делегацию к поискам компромисса. 14 октября обе делегации отправились проверять установленную финнами линию границы от Петсамо до Корватунтури. Компромисс был всё же достигнут. При проведении демаркации в Петсамо была составлена новая карта, которая впоследствии рассматривалась сторонами как наиболее достоверная (в отличие от карт других участков границы), поскольку была подготовлена с использованием новейших для того времени методов картографии. Работы по проверке линии границы на остальном её протяжении были бы также в основном проведены, если бы не события зимы 1921—1922 гг. в Восточной Карелии, на несколько лет прервавшие процесс демаркации советско-финляндской границы.

События в Восточной Карелии подтолкнули стороны к подписанию 21 марта 1922 г. в Москве членом коллегии НКВД Я. С. Ганецким и финским поверенным в делах *ad interim* А. Хакцелем «соглашения», которое предусматривало «в соответствии с п. 20 ст. 9 Наказа Центральной Смешанной Русско-Финляндской Комиссии, учреждённой на основании ст. 37 заключённого в Юрьеве Мирного договора» поручение этой комиссии приступить к обсуждению мер, «признаваемых необходимыми для обеспечения

²³ Письмо Г. В. Чичерина Э. М. Склянскому, 9 июля 1921 г.: АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 4. П. 104. Д. 5. Л. 34.

²⁴ Письмо Г. В. Чичерина П. П. Лебедеву, 4 августа 1921 г.: Там же. Л. 35.

и сохранения неприкосновенности границ». Сразу выявилась разница в целевых установках сторон. В Москве стремились к скорейшему созданию условий для устранения возможности проникновения на территорию РСФСР «нежелательных элементов», чтобы избежать повторения недавних событий в Восточной Карелии. Оборонительные аспекты фактически оказались отодвинутыми на задний план, поскольку сама возможность активных военных действий со стороны Финляндии представлялась маловероятной. 13 апреля 1922 г. в переданном финской стороне «Проекте положения о работе пограничной подкомиссии Центральной смешанной русско-финляндской комиссии и об организации и работе контрольно-исполнительных органов этой комиссии» предлагалось создать четыре местных контрольных комиссии (Северную — от Вайда-губы до Алакурти, среднюю — от Алакурти до пос. Лендеры, Южную — от пос. Лендеры до Ладоги, а также Морскую комиссию). Создание комиссии на Карельском перешейке не предполагалось, что фактически было признанием наличия нерешённых вопросов. Кроме того, предлагалось создание особого нейтрального приграничного пояса, в который, в частности, советская сторона желала включить районы Лиексы, Салми, Кухмониemi, Нурмеса, Лоймолы, Куусамо, «являвшихся во время карельской авантюры опорными базами бандитского движения»²⁵. Начальник Генштаба генерал-майор О. Энкель направил главе правительства Ю. Х. Венноле обстоятельный доклад, большая часть которого была посвящена именно вопросу создания вдоль границы нейтрального пояса. Генерал соглашался с тем, что максимальная ширина пояса должна быть около 20 км с каждой стороны границы, поскольку требование пояса шириной в 150 км с российской стороны (что, в принципе, отвечало бы интересам Финляндии, если учитывать соотношение площадей обоих государств) повлекло бы выдвижение Москвой аналогичного требования, и тогда в отдельных местах советский контроль стал бы доходить почти до середины страны. Согласие на двадцатикилометровый пояс означало, что результатом соглашения с русскими стало бы только обеспечение неприкосновенности самой границы и не более, тогда как важнейшей целью переговоров должно было быть устранение для обоих государств возможности внезапного нападения. Нейтральный пояс в 20 км, по мнению О. Энкеля, такой гарантии не предоставлял, поскольку пехота противника могла преодолеть его всего за пять часов марша, а конница — за три часа. За это время подготовить и успешно провести необходимые контрмеры было просто невозможно. Генштаб предлагал отказаться от нейтрального пограничного пояса, вести переговоры о «пограничных территориях» и численности расквартированных в них

---

²⁵ Доклад А. С. Черныха Я. С. Ганецкому, 20 апреля 1922 г.: АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 2. Л. 17.

войск. Считалось желательным добиться, чтобы в приграничных районах было разрешено иметь только такое количество солдат, которое необходимо для поддержания внутреннего порядка в мирное время. При этом следовало настаивать на учёте «естественного соотношения площадей территорий Финляндии и России». Исходя из этого принципа, Генштаб считал желательным отнесение к «пограничной территории» Карельского перешейка вплоть до р. Невы (включая в эту «пограничную территорию» запад перешейка, где расположен г. Петроград с пригородами), а также перешейка между Онегой и Белым морем, Белого моря, побережья Ледовитого океана. Мурманская железная дорога к северу от р. Свири также должна была бы войти в «пограничную территорию». В мирное время у Москвы не было никакой необходимости (и возможности) размещать здесь крупные воинские соединения. Генштаб считал, что на переговорах можно согласиться на то, чтобы к северу от Ладоги русские могли разместить одну дивизию мирного времени (по финским оценкам — 18 498 чел.) и одну дивизию в Петрограде и на Карельском перешейке. Со своей стороны, финское правительство могло согласиться на включение своей части Карельского перешейка (ограниченной линией Выборг — Кексгольм) и ряда территорий к северу от Ладоги в подобную же «пограничную территорию». Если Москва стала бы настаивать на создании «нейтрального пояса», финская делегация, по мнению Генштаба, могла согласиться на таковой к северу от Ладоги, но не на Карельском перешейке. На перешейке опасность нападения русских была очень велика, поэтому связывать себя обязательствами вывода батальонов самокатчиков не следовало²⁶. В конце апреля Черных переслал Ганецкому перевод раздобытого им письма О. Энкеля премьеру Финляндии. Выдвинутое финской стороной предложение о включении Карельского перешейка в особую зону, а также об установлении особого режима в Южной Карелии в 100-вёрстной, а в Северной Карелии — в 150-вёрстной зоне было отклонено советской делегацией. Против подобного предложения выступил Штаб РККА²⁷.

1 июня 1922 г. сторонами всё же был подписан ряд документов: «Соглашение между Россией и Финляндией о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность границы»; «Протокол, приложенный к соглашению»; «Инструкция Пограничной подкомиссии и местным Контрольным Комиссиям Центральной Смешанной Русско-Финляндской Комиссии». Демаркационные работы продолжались все 1920-е гг. и в начале 1930-х гг. Формально этот процесс был завершён только в 1938 г., когда

²⁶ O. Enckell — Pääministerille J. H. Vennolalle, 7. huhtikuuta 1922: Архив МИД Финляндии, Хельсинки — Ulkoministeriön arkisto (далее — UMA). 12 G1:1.

²⁷ Письмо начальника Штаба РККА П. П. Лебедева, военкома Штаба РККА Баранова Я. С. Ганецкому, 11 апреля 1922 г.: АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 14. Л. 47.

в апреле был подписан «Заключительный протокол Смешанной Союза Советских Социалистических Республик и Финляндской Республики пограничной комиссии по определению государственной границы между СССР и Финляндией». Однако даже упомянутый протокол не свидетельствовал о том, что претензии сторон к прохождению линии границы исчерпаны. 30 августа 1938 г. замещавший министра иностранных дел В. Войонмаа предложил посланнику А. А. Юрье-Коскинену вручить в НКВД ноту, в которой извещалось о желательности проведения демаркационных работ в восточной части Финского залива, поскольку граница там установлена с ненадлежащей точностью²⁸. Советской нотой от 25 января 1939 г. это пожелание финской стороны было отклонено.

Список литературы

Драбкин, Я. С. Идея мировой революции и её трансформация / Я. С. Драбкин // История Коммунистического Интернационала. 1919—1943 : документальные очерки. — Москва : Наука, 2002. — С. 25—73.

---

²⁸ V. t. ulkoasiainministeri V. Voionmaa — Moskovan lähetystölle, 30. elokuuta 1938: UMA. 12 G2:2.